

витовъ былъ уже извѣстенъ въ семинаріи своимъ «сочинительствомъ» и скорѣ былъ уличенъ самимъ инспекторомъ въ чтеніи англійскихъ романовъ. Началось упорное и злостное преслѣдованіе. Однажды самъ инспекторъ отправился на семинарскую квартиру, гдѣ жилъ Левитовъ, и въ полночь засталъ его съ товарищами за чтеніемъ «Мертвыхъ Душъ». Поймавшій его на мѣстѣ «преступленія», инспекторъ не выбиралъ выраженій своего гнѣва; Левитовъ не выдержалъ и отвѣчалъ грубо. Дѣло закончилось безобразно. «Меня обвинили, безъ суда и слѣдствія, — рассказывалъ Левитовъ, — въ приводѣ на квартиру женщинъ, въ непотребномъ ругательствѣ своего начальника и приговорили къ воспріятію роговъ. Иеронимъ отлично понималъ, что такого рода наказаніе для меня гораздо будетъ чувствительнѣе, чѣмъ исключеніе изъ семинаріи. Съ минуты приглашенія меня и всего класса въ экзекуторскую, я потерялъ сознаніе... Чтѣ было потомъ, я не знаю; знаю только, что я былъ приговоренъ къ смерти; у меня открылась нервная горячка, и я очнулся только черезъ мѣсяцъ и въ больницѣ». Оправившись отъ болѣзни, Левитовъ окончилъ и философскій курсъ и, хотя съ уменьшенной отмѣткою въ поведеніи, назначенъ былъ къ переводу въ богословское отдѣленіе; но онъ уже не остался въ семинаріи. Вопросъ о будущемъ былъ рѣшенъ окончательно. Вмѣстѣ съ Соколовымъ, они рѣшили идти въ университетъ, списались съ знакомыми, которые учились уже въ московскомъ университетѣ и медицинской академіи; тѣ одобрили ихъ рѣшеніе. Левитовъ написалъ къ отцу; тотъ былъ совершенно противъ его затѣи, но Левитовъ стоялъ на своемъ. Въ письмахъ къ домашнимъ онъ изображалъ въ самыхъ свѣтлыхъ краскахъ свои надежды на будущее, которыя и самъ, вѣроятно, искренно питалъ, но въ данную минуту положеніе было очень трудное: онъ отправился въ Москву пѣшкомъ съ нѣсколькими рублями въ карманѣ.

«Еще въ пятидесятихъ годахъ, — рассказываетъ біографъ, — между учащейся молодежью въ нашихъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ обнаружилось стремленіе къ поступленію въ университеты и другія высшія учебныя заведенія гражданскаго вѣдомства; а въ шестидесятихъ и семидесятихъ годахъ это стремленіе до такой степени завладѣло умами воспитанниковъ семинарій, что они массами эмигрировали въ столичныя и другіе университетскіе города. Большинство этихъ бѣглецовъ, люди безъ всякихъ средствъ, не имѣли почти никакого представленія о томъ, чтѣ ихъ ожидаетъ впереди; какъ они поступятъ въ университетъ или академію, на что будутъ содержать себя въ продолженіе